

5595

Мокша

5595

5
1963

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ГОД ИЗДАНИЯ
СЕДЬМОЙ

Москва

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР И МОСКОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Е. Е. ПОПОВКИН, *главный редактор*, Б. С. ЕВГЕНЬЕВ, А. А. ЦЫГУЛЕВ, *заместители главного редактора*, А. Н. ВАСИЛЬЕВ (*отдел публицистики*), Е. В. ЛЕВАКОВСКАЯ (*отдел прозы*), Е. Ю. МАЛЬЦЕВ, Л. В. НИКУЛИН, Ю. С. СЕМЕНОВ (*отдел очерка*), С. А. САВЕЛЬЕВ, *ответственный секретарь*, М. А. ШОЛОХОВ.

Художественный редактор
Н. И. БОБКОВА

Адрес редакции:
Москва, Г-2, Арбат, 20
Телефоны: Г 1-78-01.
Г 1-31-65, Г 1-06-86

Рукописи объемом меньше
печатного листа не возвращаются

Подписка на журнал принимается во всех учреждениях Министерства связи. Редакция вопросами подписки не занимается

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

**СЛАВА ВЕЛИКОМУ
СОВЕТСКОМУ НАРОДУ —
ДОБЛЕСТНОМУ СТРОИТЕЛЮ
КОММУНИЗМА,
МУЖЕСТВЕННОМУ БОРЦУ
ЗА МИР И СЧАСТЬЕ
ВСЕХ ЛЮДЕЙ
НА ЗЕМЛЕ!**

(Из Призывов ЦК КПСС к 1 Мая 1963 года)

1963 · 5

ГОЛОС ПОКОЛЕНИЯ

Николай Майоров. Мы. Книга стихов. «Молодая гвардия». 1962. 111 стр. Цена 33 коп.

Необычная судьба у этой книги. Появилась она спустя двадцать лет после смерти автора. Ее буквально «по крохам» собирали друзья поэта. При жизни Николай Майоров напечатал всего несколько стихотворений, да и то не в «большой прессе», а в многотиражке Московского университета, где он учился до войны. В 1948 году редакция «Ивановского альманаха» опубликовала подборку из семи его стихотворений: «Творчество», «После ливня», «Горжество жизни», «Баллада о Чкалове», «Весеннее», «Пушкин», «Памятник». Уже эта подборка давала основание видеть в Н. Майорове незаурядного поэта. Особенно впечатляло стихотворение «Памятник», о гибели летчиков.

Им не воздвигли мраморной плиты.
На бугорок, где гроб землей накрыли,
Как ощущение вечной высоты,
Пропеллер неисправный положили.

О, если б все с такою жаждой жили!
Чтоб на могилу им взамен плиты
Как память ими взятой высоты
Их инструмент разбитый положили
И лишь потом поставили цветы.

Позднее стихи Майорова публиковались в журналах «Знамя» и «Молодая гвардия», в сборниках «День поэзии», «День русской поэзии» и в других изданиях. Многие из поэтического наследия Майорова до сих пор не найдено. Утрачены поэмы «Ваятель» и «Семья». Нет стихов 1941 года. Однако и то, что удалось разыскать и объединить в книгу «Мы», представляет нам настоящего поэта. Поэта, который обещал стать очень большим. Поэта, голосом которого уже начало говорить поколение его сверстников, юношей тридцатых годов. Поэта, пророчески писавшего о своем поколении:

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.

Настоящий поэт — всегда эхо своего времени. И это эхо живет в стихах Майорова. Читая их, невольно вспоминаешь, что ты его ровесник, что ты многое переживал точно так же, как и он.

Программное стихотворение Майорова «Мы» (1940) — поэтический портрет пред-

военной юности, устремленной к созиданию, к творчеству, к любви...

Мы жгли костры и вспять пускали
реки,
Нам не хватало неба и воды.

Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками
И в женщину влюблялись не спеша.

Еще впереди была великая война, а поэт предчувствовал ее и, улавливая грядущий гул истории, в литых, как металл, строках писал о том, что люди его поколения прошли по земле «с обугленными ртами» и «мужество, как знамя, пронесли».

И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «Человек»!

Мне кажется, что если бы Николай Майоров не написал ничего, кроме этого стихотворения, то все равно его имени была бы обеспечена добрая, долгая жизнь.

Поэзия Майорова — лирика высоких чувств, большого поэтического накала и подлинной гражданственности. В ней нет общих мест, голой риторики и бездумного бодрячества, которое выдавалось у нас иногда в предвоенную пору за оптимизм. Всем своим раздумчивым строем, внутренней тревогой и сдержанным мужеством стихи Майорова противостояли легковесной поэзии. Они были по-настоящему жизнеутверждающи. В Майорове жила прямо-таки языческая упоенность бытием...

При желании можно установить литературную родословную молодого поэта. Майоров не прошел мимо опыта Маяковского, Мандельштама, Павла Васильева, Антокольского. Но у него уже было так много своего, незаемного, что его стихи нетрудно отличить среди других. Это «свое» проявилось и в чрезвычайно остром чувстве времени, эпохи и в смелых, очень емких поэтических образах.

«Идти с собой, с своей эпохой вровень» — этому девизу стремился быть верен Николай Майоров. Но как подлинный поэт он шел не только вровень с эпохой, но и заглядывал в будущее, кое в чем опережая свое время. Невольно думаешь: как много мог бы он дать нашей поэзии!

Десятки и сотни неразвернувшихся талантов погубила война, навязанная советскому народу фашизмом. М. Кульчицкий, Н. Отрада, П. Коган, С. Кубанев... Среди них Николай Майоров, один из самых та-

лантливых. Стихи погибших поэтов остались в строю советской поэзии, они идут в наступление. Отличная книга Майорова «Мы» встала в ряд лучших книг нашей поэзии.

С нею пришла к одному из талантливейших выразителей дум, чувств и настроений своего поколения и «опоздавшая слава».

П. Курпьяновский

О ТЕХ, КОГО НЕ ЖДУТ

Степан Злобин. Пропавшие без вести. Роман в четырех частях. «Советский писатель». М. 1962. Т. 1. 823 стр. Цена 1 руб. 39 коп. Т. 2. 511 стр. Цена 90 коп.

Впервые в жизни мне захотелось писать, когда я прочел книгу Степана Злобина «Салават Юлаев». И я даже написал первую фразу. Написал так: «Мы сидели у дороги и ели бешбармак». Мне хотелось совместить несовместимые вещи: сидеть самому у дороги, пятью пальцами есть бешбармак и одновременно писать об этом. Видимо, сидеть у дороги мне хотелось больше, потому что дальше первой фразы дело не пошло.

С тех пор я никогда не перечитывал «Салавата Юлаева», но я хорошо помню эту книгу и люблю. Меньше всего в то время мог я предполагать, что написал ее, в сущности, еще довольно молодой человек: книги тогда существовали для меня отдельно от их авторов, словно они — сами по себе. Но еще меньше мог я ожидать, что мне предстоит воевать одновременно с автором этой книги. Мы, школьники предвоенных лет, знали, что война с фашизмом будет. Мы готовы были бить врага «на земле, в небесах и на море». Как это получилось в первые месяцы, теперь хорошо известно не только по жизни, по документам, но в какой-то степени и по художественной литературе. Но еще много книг будет написано о величайшем испытании нашего народа. Среди этих книг займет свое место новый роман Степана Злобина «Пропавшие без вести».

Явившись результатом многолетних размышлений, роман «Пропавшие без вести» в значительной степени отразил и жизненный опыт его автора. А опыт этот был горек и тяжел. Степан Злобин не увидел на фронте перелома войны, ему не пришлось участвовать в стремительном наступлении Советской Армии. В первые месяцы войны, попав в окружение, он вместе со многими тысячами бойцов был взят в плен. Как бы ни было трудно, порою страшно на фронте, как бы тяжело ни складывалась обстановка, но у тебя — оружие в руках, ты — человек, и ты можешь бороться. А там ты — пленник. И вся жестокая, продуманная, изощренная система насилия направлена на то, чтобы с первых

минут отнять у тебя все человеческое, вселить в тебя страх, разобщить людей, сломать их душу.

Личный опыт автора — опыт сотен тысяч людей, в первые месяцы войны оказавшихся в плену, во многом предопределил композиционное построение романа. Только первая часть его рассказывает непосредственно о фронте, и в ней немало сильных страниц, складывающихся в общую правдивую и суровую картину. Трудно забыть такие сцены, как бой за Вязьму, когда на атакующий полк от вокзала, где засел небольшой десант немцев, неожиданно выходят немецкие танки и, освещая ночь и степь фарами, расстреливают из пулеметов пехоту, поднявшуюся в рост. Психологически точно передано состояние армии — от бойца до ее командующего, — когда бой начинает перемещаться на фланги, в тыл, и постепенно всем становится ясно, что кольцо окружения замкнулось и они — в кольце.

Теперь уже ничего нельзя ни исправить, ни изменить. Прошло больше двадцати лет с тех пор. Но и современники наши, и будущие поколения не раз возвратятся мыслью к тому времени, стараясь понять причины военных неудач сорок первого года. Причины эти слишком глубоки, многообразны и серьезны, чтобы о них можно было коротко сказать в небольшой статье. Одно несомненно: многого могло не быть. Но оно случилось и стало судьбой множества советских людей.

Не каждому в одинаковой степени дано предвидеть надвигающиеся события. Командарм Балашов (образ его, как и образ полковника Зубова, — один из наиболее полнокровных в романе) еще задолго до начала войны, будучи преподавателем военной академии, трезво представлял себе реальное соотношение сил и готовил своих слушателей к нелегким боям. Но это были годы, когда слишком громко и победно трубили фанфары и считалось не только непатриотичным, но было просто небезопасно говорить о нашей неподготовленности. Известно, что враг хвалит, друг ругает. Но это древнее изречение в те годы не принималось в счет. Обвиненный в пораженческих настроениях, Балашов был изолирован от общества. И роковую роль сыграл в этом его слушатель Зубов.

Так уж повелось в литературных произведениях, что если сталкиваются в споре две стороны, то это непременно полярные стороны: одна несет в себе все светлое, другая — черней черного.

Однако Зубов, если судить о нем по этим литературным канонам, не отрицательный персонаж. Он не приспособленец, не карьерист. Это человек по-своему искренний и мужественный, но с прямолинейным умом, скорее способным воспринимать приказы, чем доводы разума. Ни минуты не колеблясь, он губит Балашова, уверенный в том, что, избавляясь от балашовых, армия повышает свою боеспособность. Прозвучали первые залпы войны, и глазам Зубова предстала правда во всей своей трагичности, та правда, о которой некогда

